

УДК 821.161

А. А. Пономарева

Новосибирский государственный педагогический университет

**Онегинский код в беллетристике 1850-х годов:
к постановке вопроса**

Выделяются ядерные элементы кода «Евгения Онегина» и выявляются их модификации в беллетристике 1850-х гг., в частности в повестях данного периода. Ядро онегинского кода составляют сюжетные ситуации «отвергнутое признание» и «встреча после отвергнутого признания», а также сюжетные скрепы, соединяющие их (путешествие героя, брак по расчету героини). Основной принцип транспонирования данных элементов в повести связан с переносом и шаблонизацией их структуры. Принципы модификации кода в беллетристике различны: в повестях наблюдается замещение элементов онегинского кода элементами близких сюжетных рядов (сюжетная ситуация «отвергнутое признание» замещается ситуацией «любовный роман на водах», составляющей «печоринский сюжет»); удвоение и рассечение элементов кода; заполнение пустот онегинской фабулы; развитие возможных сюжетов «Евгения Онегина».

Ключевые слова: русская литература, сюжет, сюжетная ситуация, код «Евгения Онегина», беллетристика, повесть.

Известно, что в литературе существуют «сильные» тексты, порождающие «звучное литературное эхо» (Н. Е. Меднис). Одним из них, безусловно, является «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. Совокупность отсылок к нему образует особый текст, представляющий собой сегмент «пушкинского текста» русской литературы. Определяющим фактором при выделении онегинского текста является «цельность представленности интертекстуальных отсылок при сохранении единого художественного кода» [Меднис, 2003, с. 138]. Код «Евгения Онегина» не выявлен и системно не описан в литературоведении, что представляет задачу будущего исследования. В статье мы выделим ядерные элементы кода (сюжетные ситуации и сюжетные скрепы, соединяющие их) и выявим основные принципы его модификации в беллетристике 1850-х гг., в частности в повестях данного периода.

«Описать код, – замечает Е. Г. Николаева в связи с исследованием кода «Пиковой дамы» А. С. Пушкина, – можно только отслеживая, какие элементы всей

Пономарева Анастасия Александровна – аспирант Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Вилнойская, 28, Новосибирск, 630090, Россия; anastasiya.ponomareva.92@inbox.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2015. № 3

© А. А. Пономарева, 2015

совокупности знаков... «осели» в воспринимающем сознании» [Николаева, 2007, с. 9]. Ядерными элементами, по мнению исследовательницы, являются такие, которые «способны выполнять сюжетообразующую функцию и закономерно, ожидаемо встречаются в трансляции кода и его описании» [Там же, с. 9].

Анализ повестей 1850-х гг. дает нам возможность предположить, что одним из ядерных элементов кода «Евгения Онегина» являются сюжетные ситуации *отвергнутое признание* (признание героини в любви герою) и *встреча после отвергнутого признания*. Сюжетная ситуация *отвергнутое признание* включает в себя такие события, как приезд героя в усадьбу, знакомство с героиней (соседкой), признание героини герою в любви (свидание в саду), решительное объяснение героев, отъезд героя из усадьбы. Сюжетная ситуация *встреча после отвергнутого признания* содержит в себе следующие события: встреча героя с отвергнутой им героиней на рауте, ухода героя за героиней, объяснение героев. Основным механизмом транспонирования данного элемента онегинского кода в повестях связан с переносом и шаблонизацией его структуры: «фабульный каркас» сюжетных ситуаций «кристаллизуется», сочетание их компонентов отвердевает.

В беллетристике 1850-х гг. представленные элементы кода функционируют по-разному. Выявлено два основных варианта.

1. Сюжетная ситуация *отвергнутое признание* становится «автономной» и сюжетообразующей. В результате этого она приобретает центростремительный характер: вектор ее развития устремляется к объяснению героев, прочие события, как то приезд героя в усадьбу, знакомство с помещичьим обществом и, в частности, с семьей/знакомыми героини, подготавливают его появление. Развитие этой сюжетной ситуации связывается с пространством усадьбы. Объяснение героев неизменно происходит вечером в саду/парке. Взаимосвязь сюжетной ситуации *отвергнутое признание* с локусом усадьбы приводит, в частности, к тому, что эта сюжетная ситуация становится ядром сюжетного репертуара «усадебной» литературы [Щукин, 2007; Печерская, Никанорова, 2010, с. 119].

2. Сюжетная ситуация *встреча после отвергнутого признания* функционирует в сочетании с сюжетной ситуацией *отвергнутое признание*. В сюжете данные ситуации развиваются последовательно. В зависимости от задачи повести акцент делается на первой или второй сюжетной части. Как правило, ситуация *отвергнутое признание* выступает необходимым, но второстепенным по отношению к развивающемуся сюжету элементом, чаще всего составляя его экспозицию; акцент делается на сюжетной ситуации *встреча после отвергнутого признания*¹. Сравнительно редко противоположные случаи.

В повестях 1850-х гг. транспонируются также элементы, скрепляющие указанные сюжетные ситуации в «Евгении Онегине». На границе сюжетных частей предполагается сочетание следующих событий: герой, подобно Онегину, отправляется в путешествие, героиня, как и Татьяна Ларина, выходит замуж. В процессе переноса данного элемента онегинского кода в повести происходят некоторые сдвиги. Прежде всего возникает «сюжетная компрессия»: отъезд героя напрямую связывается с любовной коллизией (отъезд из усадьбы следует за объяснением героини), тогда как в «Евгении Онегине» причины, побуждающие героя покинуть усадьбу, определяются более широким контекстом. Кроме этого, реальное путешествие Онегина замещается в повестях 1850-х гг. путешествием, намеченным в «возможном сюжете» (С. Г. Бочаров): «Онегин был готов со мною / Увидеть

¹ Назовем некоторые повести: «Варенька» (1849), «Я. Записки Тамарина» (1850) и «Порядочный человек» (1855) М. В. Авдеева, «Тени прошлого» (1850) и «Вокруг да около» (1855) А. Я. Марченко, «Ваш старый знакомый» (1850) С. П. Калошина, «Две сестры» (1851) Е. Тур, «Деревня» (1853) и «Утро вечера мудренее» (1853) С. В. Энгельгардт.

чуждые страны; / Но скоро были мы судьбою / На долгий срок разведены» [Пушкин, 1981, с. 24]. Как правило, в этом фрагменте текста, т. е. на стыке сюжетных ситуаций, обнаруживается сгущение аллюзий на пушкинский роман в стихах. Приведем в качестве примера фрагмент из повести С. Энгельгардт «Утро вечера мудренее»: «После отъезда Авдотьи Николаевны я редко встречался с Ветлицким. Его постигнул сплин, и он поехал в деревню, забывая, что деревня плохо лечит от сплина. Однако ему посчастливилось: он был утешен каким-то неожиданным соседством; потом соскучился и отправился в Петербург слушать итальянскую оперу. Говорят, что и тут ему <не> посчастливилось, и он опять соскучился, и воротился в Москву» (курсив наш. – А. П.) [Ольга Н., 1850, с. 112]. Как видно из приведенного фрагмента, герой отправляется в путешествие по той же причине, что и Евгений Онегин: его постигнул сплин. Однако подмена реального путешествия неосуществленным создает своего рода «сюжетный реверс»: герой едет не в чуждые страны, а в деревню, обозначенные пунктирно положения в том числе снова намечают онегинскую ситуацию «деревенских глав».

При переносе в новый контекст трансформируются не только сюжетные скрепы, но и ядерные элементы кода «Евгения Онегина». В повестях модифицируется то, что располагается между компонентами «фабульного каркаса». Принципы модификации кода различны.

1. В ходе транспонирования происходит замещение элементов онегинского кода элементами близких сюжетных рядов. Например, в повести С. Калошина «Ваш старый знакомый» сюжетная ситуация *отвергнутое признание* замещается сюжетной ситуацией, входящей в «печоринский сюжет», – *любовный роман на водах*. Такая подмена становится возможной из-за близости структур сюжетных образований (в восприятии современников «Герой нашего времени» – «новый “Онегин”»). Повествователь, нарушая читательское ожидание, проекцией которого в тексте выступает «водяное общество», лишает экспозиционную часть событийности: молодой человек приезжает на воды, знакомится со светской семьей, матерью и дочерью, и через некоторое время сближается с последней. Однако герой не влюбляется в героиню: она представляется ему ничем не примечательной барышней. С наступлением осени он покидает воды и уезжает в деревню, светская семья отправляется в Петербург, где вскоре девушка выходит выгодно замуж. В результате ожидаемая читателем любовная коллизия не образуется.

2. При переносе в новый контекст происходит удвоение или рассечение элементов онегинского кода. Наибольшим изменениям подвержены ядерные компоненты сюжетной ситуации *встреча после отвергнутого признания* – встреча на рауте и объяснение героев. Рассмотрим этот механизм на примере повестей С. Калошина «Ваш старый знакомый» и С. Энгельгардт «Утро вечера мудренее». В обоих произведениях встреча героев на рауте воспроизводится дважды. В первой повести вначале изображается впечатление, произведенное на героя появлением героини, ставшей светской дамой, женой богатого офицера. В данном фрагменте обнаруживается сгущение аллюзий на восьмую главу «Евгения Онегина». Приведем в качестве примера следующий фрагмент: «Неизмеримо было расстояние от графини Б. до той Софьи Михайловны Лидневой, которую в первый раз встретил Ижорин на водах тому четыре года. Не мог он однако же не узнать ее: то же лицо, те же глаза, тот же рост, те же волосы, все это, конечно, и не успело измениться, а все-таки он видел перед собою другую женщину...» [Калошин, 1850, с. 31]. Как и в «Евгении Онегине», здесь делается акцент на превращении героини из девочки в блистательную светскую даму. Возобновление знакомства героев в данной части не происходит: молодой человек не решается подойти к женщине. Второй виток ситуации встречи составляет разговор героев на рауте. Героиня, подобно Татьяне Лариной, обменивается принятыми фразами с героем

и покидает общество. В повести «Утро вечера мудренее» принцип модификации, описанный на примере повести Калошина «Ваш старый знакомый», сохраняется. Встреча изображается дважды с различных точек зрения: повествователя, участника описываемых событий, и героя.

В повести Калошина «Ваш старый знакомый» дважды представляется объяснение героев. Герой, встретившись с героиней на рауте, несколько дней спустя пишет к ней письмо, в котором признается в любви. Последующая встреча по своей сути не становится объяснением: герой, обнаружив напускную холодность героини, намеренно отказывается от своих слов. Влюбленные расстаются. Второе объяснение происходит весной на даче. Вновь встретившись с возлюбленной, герой возобновляет ухаживания, однако женщина избегает их. Описание страданий героя наполнено аллюзиями на XXXI строфу восьмой главы «Евгения Онегина»: «В это нерешимости прошло едва ли не с неделю. Ижорин не на шутку похудел. Знакомые, встречавшиеся с ним, останавливались в многозначительном недоумении. <...> – Воды, воды, непременно воды! глубокомысленно и диктаторским тоном замечал один известный медик...» [Там же, с. 107–108]. Герой вторично пишет любовное письмо, в котором просит героиню о встрече. Второе свидание построено аналогично свиданию Онегина и Татьяны. Однако изменяется его пространственное окружение: герои встречаются вечером в городском саду. В этом, как представляется, вновь выражается сюжетная компрессия, возникающая при переносе кода в новый контекст. Происходит своего рода наложение двух свиданий пушкинских героев: деревенского и городского. Состояние героини повести во время объяснения созвучно состоянию Татьяны Лариной. В повествовании акцент делается на том, что героиня отрешается от светских приличий и естественно выражает чувства: «Чем более дрожал голос графини, тем более слышались в нем такая искренняя простота, такая незаученная правда. <...> Каждое слово графинино приводило его более и более к тому убеждению, что перед ним была одна из тех не часто встречаемых натур, которые бывают способны все, что ни задумают, все, что ни предположат, сделать из себя...» [Там же, с. 116]. Ответ героини, выслушавшей признание героя, представляет собой переписанный прозой финал восьмой главы пушкинского романа в стихах: «Вы, может быть... думаете, что вы ослышались, что вам так показалось, что это, пожалуй, вы видели во сне... Нет, Ижорин, я сказала и говорю еще раз: я люблю вас, слышите ли, люблю, люблю... Но любовницей твоей... вашей... я не буду... никогда... Чувство мое теперь я не умею сравнить ни с чем, но есть, кроме его, и другое что-то, долг, совесть, религия... не знаю, как это сказать...» [Там же, с. 116].

3. Важным принципом модификации онегинского кода является заполнение пустот «тонко проведенной Пушкиным вероятностной фабулы» [Чумаков, 1999, с. 92]. Оно осуществляется за счет введения в «фабульный каркас», «кристаллизовавшийся» и отвердевший в беллетристике, дополнительных событий, сюжетных линий. Например, в упоминавшейся повести «Ваш старый знакомый» объяснения героев разделяются дополнительной сюжетной линией, осложняющей магистральную любовную коллизию: герой, расставшись с возлюбленной и желая вызвать в ней ревность, сблизается с приехавшей иностранкой и берет ее на содержание. Затем, узнав о чувствах возлюбленной, он оставляет любовницу.

4. Транспонирование ядерных элементов онегинского кода в повести сопряжено с развитием возможных сюжетов (извлечением и использованием скрытых возможностей онегинской фабулы, касающихся в первую очередь любовной коллизии), переосмыслением любовной коллизии, «закрывающей в себе бесповоротность и перспективу» [Чумаков, 1999, с. 92]. Приведем наиболее репрезентативные примеры.

Так, герой повести «Ваш старый знакомый», узнав о чувствах героини, сначала уезжает из города в деревню. Введенное в повествование описание деревен-

ской жизни героя аллюзивно отсылает к XII строфе второй главы (фрагменту описания деревенской жизни Ленского): «Ижорин жил под Тамбовом. Он ел, пил, спал, ездил на охоту, бывал у соседей, давал им ужины с фейерверками, дарил щенков и жеребят – слыл между тем отличным малым и лишь только, разумеется, заговаривал с какой-нибудь “барышней”, был хором провозглашаем ее женихом» [Калошин, 1850, с. 120]. Затем, узнав о смерти мужа возлюбленной, герой едет в Петербург и делает ей предложение. В финале реализуется возможный сюжет «Евгения Онегина», намеченный в XXIII–XXV строфах четвертой главы: брак героев оказывается несчастливым (муж перестает любить жену, вновь начинает ухаживать за оставленной им иностранкой).

В повести «Утро вечера мудренее» ядерный компонент сюжетной ситуации *встреча после отвергнутого признания* – объяснение героев, сохраняя свою структуру, семантически изменяется. Он лишается драматизма и превращается в мелодраматическую театральную сцену. Так, героиня, добившись любовного признания молодого человека, принимает на себя роль Татьяны, в повествование вновь встраивается переписанный прозой ответ пушкинской героини, данный в восьмой главе: «Я вас люблю тоже... я вас давно люблю... вы это отгадали, несмотря на мои усилия скрыть от вас свое чувство. <...> Муж мой – честный человек, и я его не обману. Было время, когда тщеславие и дурное воспитание заглушили во мне добрые свойства. Замужество мне объяснило, что такое честь, и с тех пор я не сомневаюсь над любовью. Между нами не будет борьбы; мы не допустим той минуты, в которую бы мне пришлось выбирать между вами и моими обязанностями... Мы далее не пойдем. Я дала себе слово, что счастлива не буду...» [Ольга Н., 1850, с. 124]. Как и в повести Калошина «Ваш старый знакомый», здесь переосмыслиется разрешения любовной коллизии «Евгения Онегина». Оно представляется редуцировано: молодой человек, узнав о чувствах героини, становится ее другом, однако вводится намек на то, что героиня, несмотря на желание сохранить верность мужу, станет любовницей героя.

Варьирование элементов онегинского кода возникает, в частности, и потому, что в онегинскую ситуацию вводятся герои, внутренне далекие от Онегина и Татьяны Лариной: например такие, как лишний герой, слабый человек, роковая женщина, эмансипированная девушка. В связи с тем что эта проблематика составляет особое направление нашего исследования, приведем только некоторые предварительные наблюдения, касающиеся трансформации фабульных элементов онегинского кода в повестях о слабом человеке.

Обратимся к повести А. Марченко «Тени прошлого». Сюжет этого произведения состоит из трех воспоминаний героя. Основу одного из них составляет сюжетная ситуация *отвергнутое признание*. Композиционно она занимает практически весь сюжет. Герой, совершив путешествие в Одессу, приезжает в свою деревню и знакомится с дочкой управляющего. Узнав ее, он, как и Онегин, получивший письмо Татьяны Лариной, погружается душой в «сладостный, безгрешный сон». Вскоре между героями завязывается любовный роман. Счастливые для героев дни не представляются в сюжете, эта часть существенно редуцируется. Подробное развитие получает только один эпизод – последнее свидание влюбленных. Так, слабый герой, почувствовав силу любви девушки, пугается и решает покинуть ее. После объяснения он уезжает из усадьбы и отправляется сначала в Петербург, а затем в Одессу. Путешествие героя, совершаемое им по маршруту Онегина, получает определенную мотивировку (он бежит от сильных чувств девушки) и служит проявлением слабости его натуры.

В данном сюжете раскрывается не только слабость героя, но и, напротив, сила героини. В повести представлена девушка, стремящаяся к эмансипации. Героиня обладает такими характеристиками, как гордость, самостоятельность, решительность, смелость, своенравие, пылливость ума. Главная ее мечта – принести пользу

обществу: «Ярко описывала она день общего возврата под родительскую кровлю: братьев – взрослыми, вступающими в службу, себя – приехавшею отдыхать и заслужившею свой отдых. <...> Ее влекла новость бродячей жизни со всеми ее случайностями и возможность осязательно изучать людей в их семейной жизни; ее сильно манило желание купить себе вечное право на внутреннюю самостоятельность и отрада чувствовать себя полезной в цепи общественной жизни» [Марченко, 1850, с. 31]. Характерно, что причины, побуждающие героиню занять место гувернантки, новы для литературы. Прежде девушки уходили «в чужие люди» из необходимости поправить материальное положение, помочь бедным родителям, а не из желания наблюдать людей в семейной жизни или приобрести независимость. Социальная и личностная активность героини противопоставлена здесь пассивности героя, главное занятие которого – рефлексия и размышления о возлюбленной. Девушка, поставленная в положение Татьяны Лариной, когда для нее «все были жребии равны», соглашается выйти замуж за знакомого отца. Она не отказывается от своего слова даже после того, как понимает, что будущий муж – жалкий, недостойный ее человек. Эпилог составляет сюжетная ситуация *встреча после отвергнутого признания*: заехав в деревню по пути в Одессу, герой сталкивается с умирающей героиней, несчастной в семейной жизни; он не решается подойти к ней и сбегает. Введение данной сюжетной ситуации обусловлено не фабульной необходимостью. Герой ставится в это положение затем, чтобы мог полнее раскрыться его слабый характер.

Итак, в настоящей статье мы выявили некоторые ядерные элементы онегинского кода и схематично рассмотрели его модификации в повестях 1850-х гг. Результаты проведенного исследования позволяют сделать некоторые предварительные заключения о свойствах беллетристики как принимающего контекста. Так, процесс транспонирования элементов кода в беллетристические произведения раскрывает двойственную природу данного литературно-иерархического ряда. С одной стороны, элементы кода при переносе в новый контекст отвердевают, превращаются в повествовательные штампы и фабульные клише; с другой, – соединяясь с компонентами иных сюжетных рядов, способствуют обновлению беллетристики, формированию в ней новых тем, героев, сюжетных схем. В контексте этого процесса в литературе «второго ряда» зарождается новый герой – слабый человек, получивший свое классическое воплощение в творчестве Тургенева.

Список литературы

- Калошин С. П.* Ваш старый знакомый // Москвитянин. 1850. № 5-6. С. 21–68, 82–132.
- Марченко А. Я.* Тени прошлого // Отечественные записки. 1850. Т. 70. С. 1–64.
- Меднис Н. Е.* Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2003.
- Николаева Е. Г.* Элементы кода повести Пушкина «Пиковая дама» в творчестве Достоевского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007.
- Ольга Н. (Энгельгардт С. В.).* Утро вечера мудренее // Отечественные записки. 1850. Т. 91. С. 93–128.
- Печерская Т. И., Никанорова Е. К.* Указатель фабульных схем и мотивов русской классической литературы // Печерская Т. И., Никанорова Е. К. Сюжеты и мотивы русской классической литературы. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. С. 80–141.
- Пушкин А. С.* Евгений Онегин // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М.: Правда, 1981.

Чумаков Ю. Н. «Евгений Онегин» и «Евгений Вельский» // Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб.: Гос. Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 1999. С. 83–96.

Щукин В. Г. Усадебный текст русской литературы // Щукин В. Г. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. С. 316–365.

A. A. Ponomareva

Onegin code in the fiction of the 1850s: statement of the problem

The paper singles out the kernel elements of the code of «Eugene Onegin» and reveals their modifications in the fiction of the 1850s, in particular, in short novels of this period. The plots situations, the rejected recognition and the meeting after the rejected recognition as well as plot clamps connecting them (the hero's journey; the marriage for money of the heroine) comprise the core of the code of «Eugene Onegin». The basic principle of the transposition of these elements in stories is connected with the transfer and standardization of their structure. The principles of modification of the code in the fiction are various: the substitution of elements of the code of «Eugene Onegin» by elements of close plot series (the plot situation «rejected recognition» is replaced by the plot situation «a love story on the watering-place», constituting the Pechorin plot); the doubling and dissection of the code elements; the filling of the voids in the Onegin fabula; the development of the possible plots of «Eugene Onegin».

Keywords: Russian literature, plot, plot situation, code of «Eugene Onegin», fiction, short novel.